

ЮРИЙ ВЕРХОЛИН

ОСТРОВ ТАВРИДА

ПРИКЛЮЧЕНИЯ В АЛУСТОНЕ

Юрий Верхолин

**Остров Таврида:
приключения в Алустоне**

«Автор»

2026

Верхолин Ю.

Остров Таврида: приключения в Алустоне / Ю. Верхолин —
«Автор», 2026

Июнь, Понтийское море и долгожданный отпуск на острове Таврида. Александр едет в санаторий «Славутич» вопреки закрытому небу, блокпостам и тревожным новостям. Он просто хочет немного тишины. Однако ночные поиски обычной питьевой воды вынуждают его сойти с освещённых аллей — и прикоснуться к тайне, о которой молчат путеводители. Настоящие хозяева этого берега — не люди. Это кошки. По ночам в старой беседке они говорят человеческими голосами и хранят память о временах, когда были джиннами. Древнее проклятие заперло сто одно существо в звериных телах. И именно Александру, уставшему туристу, предстоит стать тем, кто сможет изменить их судьбу. Реализм южного курорта здесь тесно сплетается с древней мистикой. Это история о поиске дома, трудном выборе и о том, что даже когда над головой работают системы ПВО, на земле всегда остаётся место для чуда.

© Верхолин Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог: Таврида: история одного выбора	5
1. Долгожданная путёвка	14
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Юрий Верховин

Остров Таврида: приключения в Алустане

Пролог: Таврида: история одного выбора

На старых картах Понтийское море выглядело почти замкнутым. Тёмно-синее пятно, стиснутое берегами трёх крупных держав и четырёх малых государств. Вода соединяла их и одновременно держала на расстоянии. По ней шли сухогрузы, военные корабли, рыбацкие шхуны и белые пассажирские теплоходы. В портах говорили на разных языках, спорили о границах, торговали зерном, углём, вином, нефтью и человеческими обещаниями.

А в самом центре моря лежала Таврида.

С высоты она напоминала каменный лист, брошенный кем-то на воду. Север острова уходил в сухую степь, где ветер клал траву длинными волнами. Южная часть вздымалась горами. Тёмные хребты тянулись вдоль побережья, обрывались к морю белыми скалами, прятали в складках можжевельниковые рощи, узкие ущелья и дороги, которые цеплялись за склоны, будто боялись сорваться вниз.

Весной остров пах влажным камнем и цветущим миндалём.

Летом — горячей хвоей, солью, виноградной пылью и разогретой на солнце галькой.

Осенью ветер проходил через виноградники, трогал тяжёлые гроздья и приносил к морю терпкий, почти винный запах.

Климат будто специально придумали для того, чтобы в бокале рождалось что-то стоящее.

Но главным богатством Тавриды оставалось не вино.

Главным было море.

Ещё на рассвете южные города открывали ставни. Из пекарен тянуло горячим хлебом, на набережных торговцы раскладывали персики и инжир, дворники смывали ночную пыль с плитки. Через час к пляжам уже спускались первые отдыхающие — сонные, белокожие, нагруженные сумками, полотенцами, кругами и надувными матрасами.

К полудню берег гудел. Дети визжали у воды. Женщины поправляли широкие шляпы. Мужчины в панاماх спорили о цене кукурузы. Из прибрежных кафе пахло жареной рыбой, чесноком и сладким вином. Катера вывозили туристов к бухтам, экскурсоводы перекрикивали моторы, а фотографы с живыми павлинами, змеями и маленькими обезьянами ловко выхватывали отдыхающих из толпы.

— Молодой человек, фотографию на память! — наперерез шагала зазывала, всовывая в руки попугая.

— Девушка, вам очень идёт море! — кричал другой вслед загорелой блондинке.

— Ребёнка посадим, не бойтесь, она не кусается! — тут же подхватывал третий, на ходу примеривая обезьянку к плечу испуганного мальчишки.

Таврида жила шумно, тесно, бесстыдно. Ей это шло.

В Херсонесе Таврическом, древней столице острова, по вечерам зажигались фонари вдоль набережной. Их свет дрожал в воде. Из ресторанов доносилась музыка. На причалах покачивались яхты, пахло канатами, водорослями и дизельным топливом. Туристы медленно шли вдоль моря, уже загорелые, расслабленные, уверенные, что счастье должно выглядеть именно так: тёплый камень под ногами, сладкий виноград в бумажном пакете и чёрная вода, в которой ломается лунная дорожка.

На западном берегу море было иным — просторным, ветреным, с длинными песчано-галечными пляжами. Там строились пансионаты, здравницы, детские лагеря и лечебные корпуса. Белые здания поднимались среди сосен. В открытых окнах пахло лекарствами, свежим бельём и морским воздухом. Утром отдыхающих будили на процедуры, днём они спускались к воде, а вечером сидели на бетонных парапетах, слушая, как волны перекатывают гальку.

Миллионы людей приезжали сюда год за годом. Одни возвращались домой с магнитами и бутылками вина. Другие — с курортными романами. Третьи — с ощущением, что на две недели им удалось вырваться из собственной жизни.

Для них Таврида была просто югом. Для тех, кто родился на острове, она была телом. Горами — позвоночником. Дорогами — сосудами. Портами — лёгкими. Пляжами — лицом, которое остров каждый сезон поворачивал к миру.

Много лет Тавридой управляло одно из малых государств Понтийского моря. На картах оно обозначалось буквой N. Столица метрополии находилась далеко, за водой и равнинами. Там принимали законы, утверждали бюджеты, назначали губернаторов и решали, сколько остров должен отдать и сколько может оставить себе.

Сначала система работала. Не идеально — идеально государства не работают никогда, — но достаточно, чтобы причалы ремонтировали, санатории красили к лету, дороги латали, а на вокзалах встречали новые поезда.

Потом пришли нулевые.

В метрополии один кризис догонял другой. Заводы вставали. Банки закрывались. Правительства менялись быстрее, чем таблички на кабинетах. В столице страны N депутаты часами кричали друг на друга под холодным светом телекамер, а в провинции люди считали мелочь перед кассой.

Денег не хватало всем. И тогда центр начал сильнее тянуть ресурсы с острова.

Сначала это выглядело почти незаметно.

В Херсонесе Таврическом директор старого санатория получил письмо о сокращении финансирования. Он прочитал его, стоя у окна. На улице рабочие разгружали новые матрасы,

купленные ещё по прошлогодней смете. В кабинете пахло бумагой, пылью и крепким табаком, хотя курить внутри давно запретили.

Директор перечитал последнюю строку:

«Рекомендовать оптимизировать текущие расходы».

Он снял очки, протёр переносицу и нажал кнопку селектора:

— Марина Сергеевна, зайдите.

Бухгалтер вошла с калькулятором в руке. Она всегда носила его с собой, словно оружие.

— Опять урезали? — спросила она, даже не садясь.

Директор молча протянул письмо. Марина Сергеевна пробежала глазами страницу. Губы у неё сжались в узкую нитку.

— Крышу второго корпуса не сделаем, там течёт, — чеканя слова, проговорила она. — Котельную менять надо. А лифт?..

Она опустила бумагу и посмотрела на директора поверх очков.

— Пусть пока ездит, — вздохнул тот.

— Он вчера застрял, — возразила Марина Сергеевна. В её голосе прозвучала та самая усталая констатация, с которой обычно произносят вещи, которые нельзя исправить, а можно только пережить. — Правда, потом сам поехал.

Так на острове появилась новая мера исправности. Если что-то после поломки ещё могло двигаться, светиться, течь, греть или закрываться, значит, оно считалось рабочим.

На набережной Алустона треснула подпорная плита. В щель набилась соль, потом грязь, затем проросла трава. Коммунальщики поставили рядом красно-белую ленту. Ленту сорвало первым же штормом. Плиту никто не заменил.

В западном порту заржавел подъёмный кран. Механик каждое утро привычно бил молотком по корпусу редуктора, прислушивался к глухому металлическому звону и бросал:

— Ещё ходит.

— Сколько? — всякий раз спрашивал молодой сменщик, с опаской снизу вверх разглядывая ржавую стрелу.

— Пока не упадёт, — невозмутимо отвечал механик и убирал молоток в ящик.

Причалы оседали. Дороги расползались по швам. В санаториях отваливалась плитка, темнели потолки, заедали окна. Сначала отдыхающие жаловались. Потом привыкли. Потом начали выбирать другие страны.

Деньги от туристического сезона продолжали уходить в столицу страны N. В отчётах цифры выглядели бодро. Поток сохранялся. Загрузка держалась. Налоговые поступления росли.

Но остров чувствовал другое.

Владелец маленькой гостиницы на южном берегу по вечерам сидел за стойкой и слушал, как над входом мигает перегоревшая буква вывески. Из восьми номеров заняты были только три.

— Раньше в мае уже всё бронировали, — вздохнул он, глядя в пустой коридор. — И люди приезжали недели на две, не меньше... А теперь?

Жена не торопясь пересчитывала купюры, аккуратно выравнивая уголки ногтем:

— На три дня. И торгуются ещё, будто на базаре.

Из коридора донёсся громкий стук в дверь.

— Хозяин! — крикнул постоялец. — В душе снова холодная вода!

Жена хлопнула дверцей кассы и посмотрела на мужа:

— Иди.

— Я вчера уже ходил, — поморщился тот.

— Сегодня опять иди, — безапелляционно подтолкнула она его в плечо.

Он поднялся со стула, но не сразу. Колени затекли. В окне за его спиной море было всё таким же синим, наглым, безупречным. И от этого становилось только хуже.

На вокзалы всё реже прибывали организованные группы. Исчезали автобусы с табличками туроператоров, пропадали экскурсоводы с папками, переставали звонить агентства.

Вместо них на остров хлынули «дикари». Люди приезжали на старых автомобилях, снимали комнаты без документов, готовили еду на портативных плитках, ночевали в палатках у пляжа. Они тоже оставляли деньги — покупали воду, бензин, арбузы, дешёвое вино. Но туристическая машина, рассчитанная на санатории, экскурсии, рестораны и длинные путёвки, от такого потока не оживала.

Пансионаты пустели. Лечебные корпуса закрывали этажи. В бывших здравницах занавешивали окна, чтобы с улицы не было видно пустых комнат.

На одной из курортных набережных продавец экскурсий каждое утро выставлял щит с фотографиями водопадов, дворцов и горных пещер. Цвета на снимках выгорели. Угол щита расслоился от дождя. Мужчина приклеивал его скотчем и ждал.

К полудню он начинал безнадёжно зазывать прохожих:

— Большой каньон! Дворцы Южного берега! Морская прогулка!

Люди проходили мимо, даже не поворачивая головы.

— Скидка детям! — выкрикивал он уже в спины гуляющим.

Опять мимо.

— Два места осталось! — продолжал он, хотя катер на снимке давно стоял пустым.

Все места оставались. К вечеру он складывал щит, прятал табурет и шёл домой вдоль моря. Под ногами хрустели семечки. За закрытыми кафе темнели пустые залы.

Остров не умирал. Он ветшал. Это происходило медленнее и потому страшнее.

Каждый год жители видели одно и то же: где-то ещё держится, где-то уже закрыли, где-то обещали, где-то сняли вывеску, где-то уехал врач, где-то продали землю, где-то не пришёл поезд.

В горном посёлке водитель старого автобуса каждое утро заводил двигатель со второй или третьей попытки. Машина дрожала, кашляла чёрным дымом, но выходила на маршрут.

Однажды на остановке в салон тяжеломерно поднялась пожилая женщина и спросила у кабины:

— До больницы-то доедем?

— Если Бог даст, — ответил водитель, кивнув на приборную панель, где одна стрелка безнадёжно лежала на нуле, а другая нервно подрагивала.

— А государство? — не отступала старуха.

Водитель усмехнулся, дёрнул рычаг и с грохотом захлопнул дверь:

— А государство уже дало. Автобус.

В салоне коротко и устало засмеялись.

В Херсонесе Таврическом менялись губернаторы. Каждый новый приезжал с охраной, проходил по набережной, трогал ладонью свежевкрашенные перила возле телекамер и обещал острову развитие.

— Таврида была и останется жемчужиной! — вещал один, пока за его спиной рабочий торопливо затягивал ярким рекламным баннером осыпающуюся стену.

— Мы вернём сюда большой туризм! — сочным басом обещал второй.

И ровно в этот момент в здании администрации с треском гас свет.

— Будет утверждена масштабная программа модернизации, — уверял третий.

— В какие конкретно сроки? — въедливо допытывалась журналистка, поднося микрофон почти к самым его губам.

— После согласования бюджета, — отрезал чиновник и туманно посмотрел куда-то в даль, в сторону моря.

Бюджет уходил в столицу страны N. Обратно возвращались обещания.

К концу десятилетия остров перестал верить словам. Он слушал их, кивал, продолжал работать — и больше не ждал.

Вечерами мужчины собирались во дворах. Столы выносили под виноградные навесы. Пахло жареным мясом, дымом и спелыми помидорами. Вино наливали в простые стаканы. Разговоры за столом неизбежно возвращались к одному и тому же.

— Дорогу новую видел? — спросил один из мужчин, кивнув в сторону выезда из посёлка.

— Какую ещё дорогу? — искренне удивился другой.

— Вот именно, — ухмыльнулся третий и пригубил вино.

— У меня сын на Север уехал, — вздохнул четвёртый, крутя в руках стакан.

— Моя тоже собирается, — подхватил пятый. — А что здесь делать-то?

— Зато море близко... — подал голос кто-то с края стола.

На него смотрели молча. Море оставалось. Но морем нельзя было заплатить за лекарства, отремонтировать школу, купить автобус или удержать молодого врача.

Таврида всё чаще смотрела на Северного соседа.

Он находился по другую сторону моря и занимал огромную часть северного горизонта. Большое государство — тяжёлое, противоречивое, иногда медленное, но богатое ресурсами, промышленностью и силой.

На Север уходили работать. С Севера приходили туристы. Там учились дети островитян. Там находили врачей, заказы, кредиты и надежду.

Связь существовала давно, ещё до политических решений. Она проходила через семьи, язык, торговлю, память и привычку. Люди на острове смотрели северные телеканалы, читали северные книги, пели те же песни и спорили о тех же футбольных командах.

Граница существовала на бумаге. Внутри многих семей её не было.

Решение не родилось за один вечер. Оно накапливалось годами. В каждой яме на дороге. В каждом закрытом санатории. В каждом письме без ответа. В каждом ребёнке, который уезжал учиться и не возвращался.

Сначала люди говорили осторожно: на кухнях, в гаражах. На рынках, понижая голос, когда рядом проходил незнакомый. Потом громче. В автобусах. На собраниях. В очередях у административных зданий.

Кто-то спросил, почему они должны отдавать всё туда, другой добавил, что же они получают обратно, а третий спросил, спрашивал ли их вообще кто-нибудь.

Страна N продолжала требовать лояльности, но всё реже предлагала что-то взамен.

Когда в столице метрополии начался новый политический кризис, остров услышал привычные слова: единство, законность, историческая территория.

Но они уже не работали.

В один из холодных весенних дней площадь перед парламентом Тавриды заполнилась людьми.

Утром с моря тянул ветер. Он выворачивал зонты, трепал флаги, забирался под воротники. Люди переминались с ноги на ногу, грели дыханием ладони, держали плакаты и телефоны.

На ступенях стоял седой мужчина в старой кожаной куртке. Когда-то он работал капитаном в порту. Теперь опирался на трость.

Рядом молодая женщина пыталась застегнуть куртку на сыне.

— Мам, мне не холодно, — покрутил головой мальчик.

Но женщина даже не взглянула на него. Лишь крепче сжала его плечо и коротко бросила:

— Стой спокойно.

Мальчик потоптался на месте, вытянул шею, тщетно пытаясь разглядеть хоть что-то сквозь плотную стену взрослых спин, и снова упрямо пожаловался:

— Я ничего не вижу!

Тогда она, не раздумывая, подхватила его под мышки и рывком подняла на руки. Мальчик оказался тяжёлым — лет семь, не меньше, — но женщина не опустила его, лишь перехватила поудобнее и, чуть запыхавшись, спросила:

— Теперь видишь?

Он на мгновение замер, вглядываясь в даль, затем кивнул:

— Вижу людей.

— Сммотри внимательно, — тихо и очень серьёзно сказала мать.

Мальчик послушно уставился вперёд, но через пару секунд снова повернулся к ней:

— Мам, а что будет?

На площади шумело море голосов: кто-то скандировал, кто-то спорил, а кто-то тихо плакал, сам не совсем понимая почему.

— Будет выбор, — тихо, но твёрдо ответила мать.

В здании парламента депутаты сидели под белым светом. В зале пахло бумагой, дешёвым кофе и мокрой одеждой. Кто-то нервно постукивал ручкой по столу. Кто-то говорил по телефону в коридоре. Кто-то перечитывал текст постановления.

Старый депутат у окна чуть раздвинул жалюзи. Площадь внизу была забита людьми до отказа.

— Сколько их там?.. — тихо спросил молодой коллега, заглядывая ему через плечо.

— Достаточно, — ответил тот, не поворачивая головы.

— А если центр не признает? — не унимался молодой.

Старик отпустил пластиковые полосы жалюзи, отрезав шум улицы:

— Центр нас давно не признаёт. Только считает.

Голосование началось под гул людей снаружи. Каждая поднятая рука меняла не просто документ. Она меняла направление острова.

Таврида сформулировала свою волю прямо: больше не оставаться далёкой окраиной беднеющей метрополии. Обратиться к Северному соседу. Попросить защиты. Войти в его общество и стать частью общего государства — не колонией, не арендованной землёй, не зависимым протекторатом, а внутренним регионом с правом на бюджеты, дороги, больницы и будущее.

Когда результат объявили, площадь сначала будто оглохла. На несколько секунд люди замерли. Потом звук ударил в стены.

Крики, хлопки, свист, плач, гудки автомобилей. Незнакомые обнимали друг друга. Мужчина с тростью снял кепку и закрыл ею лицо. Молодая женщина опустила сына на землю, но тот тут же снова потянулся к ней вверх.

— Мам, что случилось? — забеспокоился мальчик, снизу вверх вглядываясь в её лицо.

Она смеялась и вытирала пальцами слёзы со щёк:

— Нас услышали!

На Север решение пришло ночью.

В большом зале заседаний горел свет. На столах лежали папки, планшеты, карты. Люди говорили негромко и быстро. За окнами столица Северного государства уже почти спала, но внутри здания никто не расходился.

— Они готовы? — спросил один из руководителей, не отрываясь от документов.

— Площадь заполнена. Парламент проголосовал, — отрапортовал депутат.

— Риски? — сухо бросил руководитель.

— Метрополия не согласится, — вступил военный в форме, проведя пальцем по карте.

— Она и раньше ни с чем не соглашалась. Международная реакция тоже будет жёсткой.

— А остров? — подал голос советник, перелистав страницу отчёта.

— Остров ждёт ответа, — ответил депутат.

Ответ дали быстро. Без долгих месяцев согласований, без бесконечных комиссий, без привычной бюрократической вязкости. Северный сосед принял волю Тавриды.

Утром по острову разнеслась новость. Она входила в дома через телевизоры, телефоны, радиоприёмники, разговоры соседей и крики с улицы.

В одном из портовых кафе официантка поставила поднос на стойку и прибавила звук на телевизоре.

— Тише! — крикнула она посетителям.

Гудение в зале мгновенно смолкло. На экране диктор читал текст официального решения.

За дальним столом медленно поднялся старик. Чашка в его руке дрожала, тёмные капли кофе выплеснулись на блюдце.

— Что, правда?.. — неверяще спросил кто-то из глубины зала.

— Правда, — тихо кивнул старик.

— И что теперь? — подал голос один из портовиков.

— Теперь посмотрим, помнят ли они, как строить, — старик перевёл взгляд в окно, на застывшие портовые краны и серую воду.

В стране N отреагировали яростью. В столице созвали срочное заседание. Министры перебивали друг друга. Депутаты били ладонями по столам. Телеведущие говорили о предательстве, захвате и национальном унижении.

— Это аннексия! Незаконное отделение! Остров будет возвращён!

Слова разлетались по миру быстрее, чем успевали остыть микрофоны.

Страна N начала наращивать военные силы. На полигонах чаще гремели выстрелы. На заводах возобновляли выпуск техники. На границе появлялись новые части. По телевидению показывали колонны машин и молодых солдат, ещё не успевших привыкнуть к форме.

В воздухе пахло грозой. Но на самой Тавриде первые перемены начались не с военных парадов.

Они начались с рабочих.

Однажды утром к старому санаторию, где директор много лет перекладывал деньги с крыши на котельную и обратно, подъехали грузовики. Из кабин вышли люди в касках и ярких жилетах.

Директор спустился на крыльцо и остановился.

— Вы кто? — спросил он, с недоумением разглядывая рабочих.

Бригадир ничего не ответил, лишь развернул свежие чертежи прямо на капоте пыльного грузовика:

— Кровля второго корпуса. Потом котельная. Потом фасад.

Директор долго и неверующе смотрел на синьки бумаг:

— Всё сразу?..

— По графику, — коротко ответил бригадир.

— А финансирование? — уточнил директор, всё ещё ища подвох.

— Уже есть, — бригадир наконец поднял глаза и посмотрел прямо на него.

В кабинете бухгалтер Марина Сергеевна взяла калькулятор, потом зачем-то положила его обратно.

На набережной Алустона сняли старую плиту. Под ней обнаружился ржавый металл, пустоты и корни травы. Рабочие ругались, резали арматуру, заливали бетон. Отбойные молотки гремели с утра до вечера.

Жители сначала жаловались на шум. Потом выходили смотреть.

В западном порту демонтировали старый кран. Механик, который годами бил по редуктору молотком, стоял возле ограждения и неторопливо курил.

— Жалко? — спросил молодой сменщик, кивнув на старый агрегат.

— Нет, — старик выпустил плотную струйку дыма и почесал подбородок. — Столько лет работал... Поэтому и не жалко.

На место старого крана привезли новый. Дороги расширяли. В горные посёлки пошли автобусы. В больницах меняли оборудование. В школах — окна. На вокзалах — табло. Санатории красили не только со стороны центрального входа.

Не всё происходило гладко. Стройки затягивались. Сметы росли. Рабочие спорили. Чиновники отчитывались раньше срока. Где-то новая плитка трескалась через год, где-то подрядчик исчезал вместе с авансом.

Но остров впервые за долгое время видел не только обещания. Он видел движение.

Экскаваторы вгрызались в землю. Самосвалы шли по трассам. Подъёмные краны медленно поворачивались над городами. Ночью на строительных площадках горел свет.

И параллельно с дорогами, больницами и здравницами Север начал строить то, что ещё недавно казалось невозможным.

Мост.

Проект обсуждали много лет. Одни называли его безумием. Другие — слишком дорогой мечтой. Третьи доказывали, что море, ветер, глубина и сложный грунт не позволят связать остров с материком.

Но однажды в пролив пришли первые суда. Рабочие в касках стояли на палубах. Пахло дизелем, металлом и холодной водой. В дно забивали сваи. Удары расходились по морю низким гулом.

На берегу собирались люди. Они стояли у самого обрыва и смотрели, как из воды медленно возникает линия будущего пути.

— Не построят, — с привычной желчью качнул головой один из мужчин.

— Построят, — отрезала женщина рядом.

— Первым же штормом снесёт, — не унимался он.

— Значит, сделают крепче, — спокойно парировала она.

— Денег не хватит, опять всё разворуют... — подхватили в толпе.

— Уже строят, — осадил сомнения чёткий голос из глубины.

Каждый месяц мост уходил дальше в море. Сначала опоры. Потом пролёты. Потом техника стала двигаться там, где раньше была только вода.

Строители работали в жару, ветер и ледяной дождь. Металл звенел. Сварка вспыхивала в сумерках бело-синими разрядами. Волны били в бетон. Чайки кружили над кранами, недовольные тем, что люди вторглись в их пространство.

Молодой сварщик однажды снял маску и посмотрел вперёд. Берега ещё не соединились. Между последними секциями оставался тонкий разрыв, сквозь который проглядывала тёмная вода.

— Красиво будет, — сказал монтажник, разглядывая длинную дугу пролёта.

— Главное, чтобы держалось, — напарник вытер тыльной стороной перчатки мокрый лоб. — Но держаться будет.

— Откуда знаешь? — спросил он, повернувшись.

— Потому что назад уже некуда, — молодой сварщик щелчком опустил защитную маску и высек первую искру.

День соединения настал при ясном небе. Последний пролёт занял своё место. Металл лёг на опоры. Рабочие замерли всего на секунду, затем площадка взорвалась криками. Кто-то поднял каску над головой. Кто-то обнял соседа. Корабли в проливе дали гудки.

От одного берега до другого теперь тянулась дорога. Настоящая. Твёрдая. Не политическая метафора и не линия на карте. По ней могли идти автомобили, поезда, грузы и люди. Остров больше не зависел только от моря, погоды и чужого разрешения.

Мост назвали «Мостом воссоединения». Название прозвучало громко, почти вызывающе. В стране N пообещали потопить его с яростью. На Тавриде гордились новым мостом.

В день открытия на подъездах выстроились машины. Люди сигналили, высовывались из окон, снимали видео. По первому пассажирскому поезду ходили журналисты. Проводницы поправляли форму. Дети прижимались лбами к стёклам.

Пожилой мужчина сидел у окна и держал на коленях старую кепку. Рядом с ним ехала внучка. Когда поезд вышел над водой, девочка ахнула и прижалась ладошками к прохладному стеклу.

— Дедушка, мы уже на мосту?

— Уже, — тихо ответил старик, поправляя очки.

— А раньше его не было? — спросила она, не отрывая глаз от бегущих за окном волн.

— Не было, — ответил дедушка и качнул головой, уходя воспоминаниями куда-то далеко.

— И как же вы ездили? — продолжила она с искренним детским любопытством.

Он взглянул на бескрайнюю морскую гладь за окном и ответил:

— Долго.

— А теперь? — спросила девочка, повернувшись к нему.

Старик тепло улыбнулся и погладил её по голове:

— А теперь — домой.

Поезд шёл вперёд. Под колёсами гудел металл. По обе стороны блестела вода. Ветер бился о окна, чайки отставали, берег медленно приближался.

Таврида больше не лежала одна в центре Понтийского моря. Она сделала выбор.

За этот выбор ей ещё предстояло платить — тревогой, угрозами, политической ненавистью и войной, которая однажды приблизится слишком близко.

Но одиночество закончилось.

Мост связал остров с Севером не только бетоном и сталью. Он связал его дорогой, по которой теперь можно было вернуться.

1. Долгожданная путёвка

Конверт лежал на краю рабочего стола уже минут десять, но Александр всё ещё не вскрывал его.

Белая бумага, герб в левом углу, его фамилия, напечатанная слишком официальным шрифтом. Такие письма редко приносили что-нибудь приятное. Обычно из них выпадали требования, уведомления, новые правила или вежливо сформулированные проблемы, которыми государство решило поделиться с гражданином.

В кабинете гудел старый кондиционер. Он не столько охлаждал воздух, сколько перемешивал запах бумаги, пластика и растворимого кофе, забытый кем-то на подоконнике. За перегородкой щёлкала клавиатура. Принтер с натугой протягивал очередной лист, после чего затихал, словно собирался с силами.

— Ты его взглядом откроешь? — донёсся голос коллеги из-за соседнего стола.

Александр не сразу поднял голову. Он ещё несколько секунд продолжал смотреть на входящее уведомление, будто пытался прожечь строчку на экране, и ответил лишь тогда, когда пауза стала почти ощутимой:

— Проверяю, насколько письмо психологически устойчиво. Похоже, пока держится.

Коллега — женщина лет сорока с короткой стрижкой и привычкой носить на шее сразу два пропуска — вытянула шею, пытаясь разглядеть тему на его мониторе.

— Откуда хоть?

— Из управления, — коротко отрезал Александр, выдержав ровную, сухую интонацию человека, принимающего неизбежное.

— Тогда соболезную.

Она не стала задавать лишних вопросов и молча опустила глаза обратно к своему экрану.

Александр провёл пальцем по краю конверта. Бумага была плотной, прохладной. Внутри что-то лежало — не один лист. Он перевернул письмо, ногтем поддел клапан и медленно вскрыл его, стараясь не порвать.

Первым выпал приказ.

Александр пробежал глазами верхние строки. Дальше взгляд зацепился за слова: «за добросовестный труд», «поощрение», «санаторно-курортная путёвка».

Он перечитал письмо. Потом ещё раз, въедаясь глазами в каждую строчку, пока весь остальной текст на экране окончательно не потерял значение.

— Нет, — произнёс Александр вслух, негромко, но так твёрдо, будто спорил с самим документом.

Коллега снова выглянула из-за монитора, уловив изменившуюся интонацию.

— Что «нет»?

— Это не соболезнавание, — ответил он, медленно откинувшись на спинку кресла и не сводя взгляды с открытого письма.

Он вытащил второй лист. На нём стояло название санатория: «Славутич». Остров Таврида. Город Алустон. Семнадцать дней.

В груди что-то коротко толкнулось. Точно так же, как два года назад.

Тогда известие о поездке мгновенно выбило из головы работу, усталость, цены, расписания и все бытовые мелочи. Он помнил, как ещё до конца дня открыл карту острова, начал разглядывать побережье, искать фотографии санатория, считать дни до отпуска и мысленно складывать в чемодан вещи.

Теперь радость пришла не одна. Она поднялась быстро, тёплой волной, но тут же наткнулась на другое чувство — холодное, почти незаметное, уже поселившееся где-то под рёбрами.

За месяц до поездки малое государство N нанесло удар по Северному соседу. То, чего долго опасались, произошло ночью.

Александр узнал об этом не из официального сообщения. Его разбудил телефон. На экране светились десятки уведомлений. Новости, сообщения от знакомых, короткие видео с тёмным небом, вспышками и воем сирен. В первые секунды он ничего не понял. Лежал в кровати, шурился на яркий экран и пытался собрать слова в единый смысл.

«Удары».

«Южный регион».

«Работает ПВО».

«Аэропорты закрыты».

В комнате было темно. За окном шумела редкая ночная машина. Соседи сверху снова что-то передвигали, будто происходящее в мире не имело к ним никакого отношения.

Александр сел. Ступни коснулись холодного пола. На одном из видео чёрное небо прорезала белая линия. Потом вспыхнуло далеко за домами. Камера дёрнулась. Женский голос вскрикнул и начал быстро повторять молитву.

Он выключил звук.

Нет. Не так. Сначала разобраться.

Александр открыл новости. Информация менялась каждую минуту. Малое государство N, несколько лет копившее оружие, установки, снаряды и беспилотники, перешло от угроз к удару. Самолёты над южной частью Северного государства перестали летать. Аэропорты закрыли. Гражданские рейсы разворачивали в воздухе. Пассажирский поток мгновенно прижался к земле.

Первой мыслью почему-то стала не война.

Таврида.

Он ещё не знал о путёвке. Не знал, что через месяц ему предложат снова ехать на остров. Но связь с этим местом уже существовала. Старая сим-карта лежала в телефоне вторым номе-

ром. В галерее хранились фотографии двухлетней давности: море, горы, набережная, дорожки «Славутича». Иногда они сами всплывали в подборках воспоминаний, и экран предлагал вернуться туда, где он стоял загорелый и довольный, не подозревая, что однажды путь к острову будет проходить под охраной зенитных комплексов.

Телефон снова завибрировал. Александр посмотрел на дисплей — мать. Шесть утра. Он вздохнул и принял вызов:

— Да, мам.

— Ты видел? — её голос звучал тихо, но за этим сдавленным шепотом уже вовсю дрожала нарастающая паника.

Александр сделал паузу, смотря в окно на ещё сонную улицу, и ответил ровно, пытаясь одной фразой вернуть матери почву из-под ног:

— Вижу, мам. Но это не у нас.

— Какая разница, Саша? — перебила она, и в её голосе вспыхнул страх, не требующий логики. — Это же совсем рядом!

Александр встал, прошёл на кухню и налил воды. Стакан слегка звякнул о край раковины — тихий, нервный звук на секунду повис в застывшей тишине.

Он не торопился отвечать. Сделав глоток, Александр повернулся к ней и посмотрел прямо в глаза — туда, где уже закипала тревога.

— Между «всё» и «аэропорты» — огромная разница, — произнёс он ровно, аккуратно взвешивая каждое слово. — Их закрывают временно, это просто логистика. Не нужно искать в новостях то, чего там нет. И тем более не нужно искать побег в моих движениях.

Он опустил стакан на стол, не сводя с неё взгляда.

— Я никуда не собирался. Мой единственный маршрут на сегодня — это обычная работа. Я абсолютно серьёзен, и через час мне выходить.

Мать замолчала. В трубке шуршала далёкая чужая жизнь, а на заднем плане отчеканивал слова телевизионный диктор — мужской голос безэмоционально, на высокой скорости перечислял области, над которыми закрывали небо.

— Саша, — прозвучал наконец её голос, сухой от подступающей паники. — Ты только никуда туда не едь...

Александр сделал глоток. Вода оказалась ледяной, на секунду болезненно свело зубы. Он выдержал паузу, давая матери почувствовать свою отстранённость, и ответил — спокойно, чуть устало, обращаясь к той детской тревоге, которую она снова пыталась на него накинуть:

— Мам, куда именно «туда»? На юг, на Тавриду? Да у меня даже путёвки нет, о чём ты вообще говоришь?

Он услышал, как она тяжело выдохнула в трубку, роняя короткое «и хорошо», и качнул головой.

— Очень оптимистичный взгляд на вещи, ничего не скажешь, — в его голосе проскользнула едва заметная ирония, но мать тут же срезала её строгим, не терпящим шуток тоном:

— Мне не смешно, Саша.

Александр прислонился бедром к столу. Он и сам ещё не понимал, страшно ему или нет. Тело реагировало раньше мыслей: плечи напряглись, ладонь крепче сжала стакан, в животе появился холодный комок. Но поверх этого быстро легло привычное упрямство.

Северное государство ответит.

Защитит.

Не допустит.

В эту силу он верил не шумно, не плакатно. Просто считал её частью устройства мира. Как железную дорогу, которая обязана выдержать поезд. Как мост, который не должен рушиться под машинами. Как военных, чья работа начинается там, где обычный человек уже ничего не может сделать.

— Всё будет нормально, — произнёс Александр, постаравшись вложить в этот простой тон максимум спокойствия и уверенности, которой так не хватало на другом конце провода.

— Откуда ты знаешь? — тут же отозвалась мать, и в её голосе проскользнула привычная, введшаяся тревога.

Александр сделал паузу, собираясь с мыслями, и ответил ровно, твёрдо, обращаясь к самой сути её страха:

— Потому что иначе быть не должно. Мы просто не можем позволить себе думать по-другому.

В трубке раздался тяжёлый, долгий вздох.

— Ты иногда говоришь как ребёнок, Саша...

— А ты иногда волнуешься сразу за три государства, — с едва уловимой, тёплой иронией парировал он, пытаясь сбить градус её паники и перевести разговор в более понятное, человеческое русло.

Через месяц, когда путёвка наконец оказалась у него в руках, Александр первым делом набрал именно её номер. Она ответила почти сразу — будто всё это время держала телефон под рукой.

— Что случилось? — в её голосе с первых секунд проскользнула настороженность.

— Почему обязательно «случилось»? — Александр ухмыльнулся, перекладывая плотный конверт из руки в руку. — Ты днём просто так не звонишь.

— Государство решило меня наградить, — произнёс он с лёгкой иронией, давая ей возможность оценить важность момента.

— За что?

— Вот это сейчас обидно было, — он сделал выразительную паузу, смакуя интригу, и только потом добавил: — Дали путёвку.

— Куда? — выдохнула она, и в этом коротком вопросе смешались удивление и предвкушение.

Александр посмотрел на лист. Слово «Таврида» будто стало крупнее.

— В «Славутич».

Мать молчала. В кабинете снова с ощутимым гулом включился кондиционер, заглушая далёкий смех за стеной, где жизнь шла своим чередом.

— Нет, — наконец отчеканила она в трубку.

— Что «нет»? — переспросил Александр, откинувшись на спинку кресла.

— Не поедешь.

— Мам, почему? Ты издеваешься? — Он вздохнул, стараясь сохранить максимально спокойный, аргументированный тон. — Это всего лишь санаторий. Обычный отдых.

— Там война рядом! — заговорила она коротко и сдавленно.

— «Рядом» — понятие весьма растяжимое, — возразил он ровно. — Самолёты не летают, согласен, но поезда ходят исправно.

— Мост охраняют военные, Саша!

— Вот именно, поэтому там и безопасно, — Александр перебил её мягко, но уверенно, парируя каждую вспышку страха. — Там зенитки стоят, а значит, они стоят там не для красоты, а для нашей защиты.

Она заговорила быстрее, окончательно сбиваясь на сплошной поток тревоги:

— Ты понимаешь, что они могут снова ударить? По мосту, по дорогам, по поездам. Ты будешь ехать через весь юг. Саша, откажись. Тебе другую путёвку дадут.

Александр посмотрел на коллегу. Та делала вид, что полностью погружена в работу, но её пальцы над клавиатурой замерли, выдавая пристальное внимание к разговору.

— Никто мне другую путёвку всё равно не даст, — произнёс он в трубку, ровно и сдержанно.

— Тогда не езжай вообще! — тут же отозвалась мать.

Он улыбнулся — спокойно и снисходительно, хотя она, конечно, не могла этого видеть.

— Мам, ну не смеши, — Александр смягчил тон, переходя от спора к привычному, доброму подшучиванию. — Ты лучше скажи дело: крем от загара с собой брать или на месте докупить?

— Я тебе серьёзно говорю! — в её голосе вспыхнуло обиженное возмущение.

— Я тоже абсолютно серьёзен. На месте всё втридорога, сам знаешь, — Александр продолжил, не давая ей снова уйти в панику. — Там море, мам. Санаторий, процедуры, люди спокойно отдыхают.

— Какие люди?! — выдохнула она, будто он говорил о чём-то абсолютно невероятном.

— Самые обычные. В панамах, с пляжными сумками, — с лёгкой иронией ответил он, разряжая обстановку.

Коллега за соседним столом тихо отвернулась к своему экрану, уже не скрывая улыбки.

Мать ещё несколько минут убеждала его отказаться. Александр слушал, поддакивал, обещал быть осторожным и уже в процессе разговора открывал сайт железной дороги.

Самолёты действительно не летали. Билетов на поезд почти не осталось. Весь южный пассажирский поток, который раньше расходился по аэропортам, теперь сдавил железную дорогу. Люди ехали в отпуска, домой, к родственникам, по работе. Вагоны заполнялись за минуты. Цены росли. Свободные места исчезали прямо на экране.

Александр нашёл верхнюю полку. Не купе. Плацкарт. Отправление с Казанского вокзала в 23:55.

Он нажал «Оплатить» быстрее, чем успел подумать.

Когда на экране появился электронный билет, Александр почувствовал почти физическое облегчение. Всё. Решено. Есть дата, вагон, место. Остальные тревоги теперь должны были подстроиться под расписание.

Следующие недели прошли в сборах. По вечерам он раскладывал вещи на кровати, затем убирал половину обратно. Брал слишком много футболок. Потом слишком мало. Несколько раз проверял документы, путёвку, билеты и медицинские бумаги. Зарядные устройства складывал в отдельный пакет. Крем от загара всё-таки купил дома — мать настояла и лично напомнила дважды.

За день до отъезда она снова позвонила — без прелюдий и приветствий, сразу к главному:

— Ты собрал аптечку?

— Мам, я еду в санаторий, — ответил Александр с кротким терпением, застёгивая молнию на сумке. — Там, по идее, именно этим и занимаются: лечат.

— Там могут лечить не от того, — произнесла она сухим, безапелляционным тоном.

— Очень обнадеживает, — не удержался он от лёгкого сарказма. — Уровень доверия к отечественной медицине впечатляет.

— Таблетки хотя бы возьми, — перебила она, игнорируя иронию.

— Взял.

— Воду!

— На станции куплю.

— Еду возьми, — требовательно продолжала мать, вычеркивая пункты из своего мысленного списка тревог.

— У меня есть пирожки, — с готовностью рапортовал Александр, пытаясь успокоить её простыми бытовыми вещами.

— Какие ещё пирожки?

— С вишней.

— Саша, они же испортятся!

— Не успеют, — с улыбкой качнул он головой, сворачивая куртку.

— Ты же сутки ехать будешь! — в её голосе снова натянулась струна.

— Ну, значит, у этих пирожков будет очень насыщенная и динамичная жизнь, — парировал он, окончательно превращая разговор в шутку.

В день отъезда Москва встретила его духотой. К вечеру асфальт всё ещё отдавал накопленное тепло. Чемодан катился тяжело, цеплялся колёсами за трещины и бил по ногам. В метро пахло металлом, горячей пылью и чужими духами. Люди стояли тесно, прижимая к себе сумки. Кто-то уже ехал на вокзал в шортах и с надувным кругом, пристёгнутым к рюкзаку. Девочка лет семи крепко прижимала к боку маску для плавания и каждые две минуты повторяла, глядя на отца сияющими, полными ожидания глазами:

— А море ночью видно?

— Видно, — сдержанно отвечал он, не отрывая взгляда от окна.

— А оно спит?

— Нет.

— Почему?

Отец на мгновение замер, всматриваясь в тёмное вагонное стекло, где вместо ночного пейзажа отражалось лишь их купе, уставшее лицо и детская неподдельная вера в чудо.

— Потому что это море, — тихо произнёс он, вкладывая в эту простую фразу всю глубину, вечность и непрерывную жизнь огромной воды, к которой они так долго ехали.

На Казанский вокзал Александр приехал заранее. Вокзал жил своей вечной нервной жизнью. Под сводами перекачивались объявления. Табло перещёлкивало номера платформ. Чемоданы грохотали по плитке. Люди обнимались, ругались, искали детей, проверяли билеты, покупали воду по цене небольшого обеда.

Пахло сразу всем: горячим хлебом из привокзальной пекарни, кофе, железом, шпалами, сигаретным дымом, который тянуло от улицы, жареным мясом из кафе, пылью с платформ.

Александр остановился под табло и поднял голову. Нужный поезд уже появился в списке.

Рядом женщина в джинсовой куртке держала телефон возле уха и громко объясняла кому-то:

— Я не знаю, где второй вход! Я возле часов! Каких часов? Больших!

У её ног стоял красный чемодан, поверх которого сидел мальчик. Он медленно ел мороженое, и белая капля стекала ему по запястью.

Чуть дальше двое военных в форме проверяли документы у служебной двери. Они выглядели молодыми, почти мальчишками, только движения были усталыми и точными. Один поправил на плече ремень, второй устало потёр ладонью лицо. Александр на секунду задержал на них взгляд, остро ощутив, как изменился привычный мир. Вот она, новая реальность — без оглушительных сирен и взрывов, а просто в виде людей в форме там, где раньше их никто и никогда не замечал.

Телефон снова завибрировал в ладони. Мать.

— Я на вокзале, — ответил Александр вместо приветствия, опережая её главный вопрос.

— Народу много? — тут же спросила она, и в голосе её снова натянулась струна.

— Как будто всем одновременно дали путёвки, — с лёгкой иронией отозвался он, разглядывая шумную, суетливую толпу.

— Военных видел?

— Видел, мам.

— Вот! — отчеканила она с такой интонацией, будто выиграла давний спор.

— Что «вот»? — ровно переспросил Александр. — Если их поставили, значит, опасная ситуация? Или, наоборот, это значит, что нас охраняют?

— Ты хоть пиши мне, — перебила она, не желая вникать в его логику.

— Буду.

— Смотри, не забывай!

— Мам, поезд идёт больше суток, — Александр выдержал паузу, пытаясь сбить её тревогу мягким, умиротворяющим тоном. — Я успею написать тебе столько сообщений, что ты сама попросишь меня прекратить.

— И когда через мост будете проезжать — тоже обязательно напиши.

— Это будет ночью, наверное.

— Всё равно напиши. И не высовывайся нигде!

Александр перевёл взгляд на платформу за стеклянными дверями вокзала и качнул головой:

— Из поезда, что ли, не высовываться?

— Ты прекрасно понял, о чём я, Саша.

— Понял, — тихо ответил он.

Она замолчала на мгновение, и затем в трубке прозвучал совсем иной голос — тихий, домашний, полный бессильной материнской надежды:

— Может... всё-таки не поедешь?

Он почувствовал, как раздражение на секунду сменилось жалостью. Мать боялась не войны вообще. Она боялась конкретно за него. За поезд, мост, ночь, дорогу. Боялась так, будто могла удержать всё это голосом в телефоне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.